

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-2.24>

Пантелеева Лилия Михайловна, Хоробрых Станислав Валерьевич

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СМЫСЛЫ КОНЦЕПТА "СМЕРТЬ" В ПЕРМСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье раскрываются особенности языковой репрезентации представлений о посмертном пространстве во фразеологии пермских говоров. Внутренняя форма выражений вскрывается с помощью лингвосемиотического анализа, основными направлениями которого являются установление ассоциативно-образных оснований концепта "смерть", их временной отнесенности и культурно-значимых особенностей. Решение данных вопросов относительно локальной структуры универсального концепта определяет новизну представленного исследования и обуславливает его актуальность в свете проблем региональной гуманитаристики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/10-2/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 10(88). Ч. 2. С. 330-337. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

Дата поступления рукописи: 01.08.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-2.24>

В статье раскрываются особенности языковой репрезентации представлений о посмертном пространстве во фразеологии пермских говоров. Внутренняя форма выражений вскрывается с помощью лингвосемиотического анализа, основными направлениями которого являются установление ассоциативно-образных оснований концепта «смерть», их временной отнесенности и культурно-значимых особенностей. Решение данных вопросов относительно локальной структуры универсального концепта определяет новизну представленного исследования и обуславливает его актуальность в свете проблем региональной гуманитаристики.

Ключевые слова и фразы: концепт «смерть»; региональная культура; лингвосемиотика; пермские говоры; фразеологизмы.

Пантелеева Лилия Михайловна, к. филол. н.

Соликамский государственный педагогический институт (филиал)

Пермского государственного национального исследовательского университета

liliya_pant@mail.ru

Хоробрых Станислав Валерьевич

Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых»

kalina_stas@mail.ru

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СМЫСЛЫ КОНЦЕПТА «СМЕРТЬ» В ПЕРМСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 18-412-590002 «Похоронно-поминальная обрядность в русской традиции Северного и Южного Прикамья (по данным народной речи и обрядового фольклора)».

Тема смерти относится к числу неизбывных в рамках философско-культурологического дискурса. Однако актуальность настоящей статьи мы видим не столько в устойчивом внимании мировой ученой общественности к изучению данной мировоззренческой категории, сколько в важности подобных изысканий для региональной гуманитаристики. На фоне архаизации крестьянской народной культуры, сглаживания региональных особенностей бытового и празднично-обрядового поведения, угасания диалектного колорита отдельных местностей проблема осмысления ментальных констант региональной традиционной культуры приобретает особую значимость. Изучение этого семиотического пространства ведет к пониманию ключевых понятийно-ценностных категорий в коллективном сознании носителей уходящих традиций.

Объектом исследования в настоящей статье является понятие «смерть» как особая ментальная сущность, получившая пространственное ассоциативно-образное истолкование в идиоматической лексике пермских говоров. Отношение к данному понятию как ментально-вербальному образованию поддерживается, с одной стороны, сложившейся в лингвокультурологии традицией причислять его к универсальным константам коллективного языкового сознания (Новикова [9]; Салалыкина [16]; Лоскутова [8]; Толстая [12]; Васильева, Николаева [3]; Писаренко [10] и др.), а с другой – множественностью и устойчивостью воспроизводимых словесных комплексов, используемых для его выражения в речевом пространстве Прикамья.

Материалом исследования выступает фразеология пермских диалектных словарей («Словарь пермских говоров» [18], «Словарь русских говоров Южного Прикамья» [19], «Фразеологический словарь пермских говоров» [15]), этнолингвистических сборников («Усольские древности» [11], «Земля Соликамская» [14], «В каждой деревне чё-то да разное» [12], «Песни и сказы долины камней» [13], «Юсьва – лебединая река» [22]) и экспедиционных записей. Выборка языкового материала осуществлялась в соответствии с 3 принципами: *тематическим* – фразеологические сочетания относятся к лексической области похоронно-поминальной обрядности; *семантическим* – в значениях выражений актуализируются семы «смерть/умереть», «быть при смерти/стариться»; *семиотическим* – в качестве ассоциативных мотиваторов фразеологизмов выступают пространственные образы. Общее количество языковых единиц, удовлетворяющих указанным принципам, составило 96.

Отобранная лексика анализируется в соответствии с принципами лингвосемиотического подхода, суть которого сводится к вскрытию культурно-коннотированных ассоциативно-образных смыслов, лежащих в основании фразеологических единиц. Применение данного метода направлено на установление особенностей концепта «смерть» в речи коренных жителей Пермского края путем определения предметной направленности ассоциативно-образных комплексов, связанных с представлениями о посмертном пространстве.

Целевой ориентир исследования предполагает решение новой научной задачи, связанной с определением региональных особенностей содержательной структуры универсального концепта, и реализуется через проработку круга вопросов:

- о связи представлений о посмертном пространстве с различными мифоритуальными символами в наивной картине мира носителей региональной культуры;
- о временной отнесенности ментально-вербальных образов, актуализирующих пространственные смыслы в представлениях о посмертном бытии;

– о характерных культурно-значимых особенностях регионального концепта, нашедших выражение в языке говоров.

Уникальная особенность описываемой территории – Пермского Прикамья – заключается в том, что языковой, предметный и ритуальный комплексы похоронно-поминальной обрядности до сих пор сохраняют в себе древние черты и предстают как целостные культурные сценарии в провинциально-деревенской жизни. «Консервативность обряда и позволяет донести до наших дней архаические черты, раскрывающие древние представления о смерти, об устройстве потустороннего мира, о взаимоотношении мертвых и живых» [14, с. 97]. В живой речи жителей региона маркируется множество ментальных категорий, связанных со смертью, например ее образы и приметы, причины и «агенты», время и характер, обереги и гадания. При этом одной из самых проработанных является категория посмертного пространства, которая нашла широкое отражение в лексике говоров.

Топография загробного мира в региональной фразеологии включает реальные (дом, пространство за пределами дома, место захоронения) и воображаемые локусы («тот мир» и его граница). Часть из них предназначена для «жизни» мертвых, другие – не допускают пребывания умерших, если только запрет на их появление не нарушается какими-либо обстоятельствами или не снимается ритуальными или магическими задачами.

В философии традиционной культуры смерть, как и жизнь, связана с идеей пути – *на исходе* ‘при смерти’: *Сын у меня на исходе, недолго уж осталось. Операция не помогла* [19, вып. 2, с. 124]; *отправиться в командировку* ‘умереть’: *Сват-то у нас еще в прошлом году в командировку отправился. Год уж как будет* (Березовка Ус.); *собираться в дорожку* ‘готовиться к смерти’: *Дай-ка хлебушка, в дорожку собираюсь, помирать стану* [15, с. 347]. Мотив движения в посмертном пространстве (земном и потустороннем) указывает на его освоенность и изученность. Знание загробной судьбы становится причиной естественного, спокойного принятия смерти.

Сквозь образ пути проявляются смыслы общей человеческой жизни и смерти и индивидуальной личностной судьбы в «этом» и «том мире». Индивидуальный путь человека, сопряженный с категориями направленности, широты и длины, заключен в определенных пространственных границах. Выход за пределы личного жизненного пути рассматривается в народной культуре как притязание на чужое. Нарушение границы владений, очерченных жизненным путем другого человека, расшатывает порядок мироустройства, поэтому данный регулятивный смысл означает в языке: *в чужую дачу заехать* ‘достигнуть преклонного возраста’: *Много уж мне-ка лет-то. Годами-то я уже в чужую дачу заехала* [Там же, с. 130].

В народных представлениях о топографии посмертного пространства можно наметить три комплекса смыслов, увязанных с характером движения души: уход из дома, путь к месту захоронения, отправление на «тот свет».

1. Уход из дома

Дом – исходная точка посмертного путешествия. Обжитое пространство дома противопоставлено необжитому пространству за его пределами как место пребывания живых – месту пребывания нечистой силы. Уход из дома является символическим образом отделения мертвых от живых: *от семьи уйти* ‘умереть’: *Девочка была удаленька, прихворнула; ничего, от семьи не уйдёт, не помрёт; Троё ребят у меня от семьи ушли – болели, трое наверху остались* [Там же, с. 391].

Место покойника в пределах жилища строго регламентируется. В языковых формулах находят выражение народные предписания о расположении усопших на лавке: *на лавочке лежат* ‘быть мертвым’: *Ушла спать; пришла, а дочь на лавочке лежит, отмаялась* [Там же, с. 193]; *подоль лавки растянуться* ‘умереть’: *Скоро уж от такой жизни подоль лавки растянусь* [Там же, с. 312]. Покойничья лавка, в зависимости от ситуации, занимает в помещении разные места: *Мужчину-покойника стараются положить на лавку вдоль половиц (т.е. на мужскую лавку), женщину поперек* [12, с. 226]. Устойчивым и повсеместным в регионе является расположение лавки с покойником головой к красному углу, а ногами к выходу: *под образами лежат* ‘болеть тяжело; быть при смерти’: *У меня деушка под образами лежала, но вылечилась, оклемалась* [15, с. 194]; *под святыми лежат* ‘быть мертвым’: *С работы придёшь, а ребёнок уж под святыми лежит; ну и с Богом* [Там же]. В этом ритуале реальная близость покойника к божественным образам интерпретируется не только как в церковном, но и в народном ключе – как контакт с мертвыми предками.

Преодоление границы дома является началом перехода из «этого» в «тот мир». Границы дома и придомового пространства свободно размыкаются для умершего, но плотно закрываются за ним, чтобы воспрепятствовать его возвращению в мир живых. Последним препятствием на пути похоронной процессии в пределах обжитого пространства являются ворота. Большая семантическая нагрузка этого локуса в похоронно-погребальных обрядах обусловила появление его номинации в корпусе идиоматической лексики с семантикой смерти: *за ворота выйти* ‘умереть’: *Мне много годов-то, скоро и за ворота выйду, пожила свой век* [Там же, с. 66].

Попутно заметим, что номинация «дом» в текстах похоронно-поминальной обрядности приобретает и иное значение – противоположное по содержанию основному. Новым домом усопшего является место загробного пребывания: *домой поехать* ‘умереть’: *Хватит жить, отгостились здесь, теперь поедём, пора уж* [Там же, с. 282]; *домой уехать* ‘умереть’: *Мне уж только домой уехать, старое дело-то* [19, вып. 3, с. 270], т.е. последняя точка пути покойника. Пространственное восприятие «вечного дома» может воплощаться в знаках гроба, земли, могилы или срачиваться с представлением о «том свете».

2. Путь к месту захоронения

Кладбище является центральным локусом «неживого» на земле. Идея переселения на кладбищенское место воплотилась в языковой форме фразеологизмов *дойти до своего кладбища* ‘умереть’: *Плохо живу, тихо*

хожу, не знаю, как дойти до своего кладбища [Там же, вып. 1, с. 238]; **на кладбище ехать (поехать)** ‘умирать’: *Старая уж стала, на кладбище пора ехать* [15, с. 118]; **ладить на кладбище** ‘готовиться к смерти’: *Я уж лажу на кладбище, а с меня песни требуют* [Там же, с. 191]; **на кладбище уйти** ‘умереть’: *Одна я осталась, все родные на кладбище ушли* [Там же, с. 391].

В ряде фразеологизмов образ кладбища находит выражение через характерные реалии локуса – могилы и кресты: **уйти в могильник** ‘умереть’: *Старухи-те в деревне всё старыё, скоро в могильник уйдут* [Там же, с. 390]; **отправиться (отправляться) на могильник** ‘умереть’: *Нам уж пора отправляться на могильник, прожита уж жизнь, старость подошла. Сейчас надо молодым дорогу давать. А нам одна дорога – могильник* [18, вып. 2, с. 61]; **уйти (ухать) на могильник** ‘умереть’: *Колдун тебя так накормит, напоит, и уйдёшь на могильник; Уехать только на могильник осталось, девяностый год дак* (Лобанова Юрл.); **ко кресту ехать (поехать)** ‘умирать’: *Скоро уж ко кресту поеду, уж ноги-те болят, стара стала* [15, с. 118]. При этом первый символический образ является более древним и популярным в пространственно-архитектурной организации пространства, что, вероятно, повлияло на характер его освоенности в языке похоронно-поминальной обрядности.

В дополнение к сказанному отметим, что образ могилы (погребальной ямы) является не только знаком кладбища, но и собственно пространственным символом смерти: **в могилу сходить** ‘умирать’: *Скоро в могилу уж сходить, вот Бога-то и помним* [19, вып. 3, с. 206]; **край могилы** ‘предельно стар, близок к смерти’: *Стара стала, край могилы, а все Бог не может прибрать* [15, с. 182]; **край могилы ходить** ‘быть очень старым или больным’: *Она уж край могилы ходит* [Там же, с. 404]; **лечь в ямку (ямочку)** ‘умереть’: *Я лягу в ямочку-то скоро – старая уж; Муж мой в ямку лёг* [18, вып. 1, с. 477]; **лечь на могилки** ‘умереть’: *У меня мужик-от лёг на могилки, вот тебе и всё* [Там же]; **могилу ждать** ‘дождаться смерти’: *Старая я шибко, мне теперь токо могилу ждать осталось* [Там же, с. 255]; **убежать на могилу** ‘умереть’: *Старик убежал на могилу, меня оставил, об ём реву кажон день* [15, с. 386]; **ушла могила от кого-либо** ‘кто-либо избежал смерти’: *Ушла всё же могила от меня, спасибо, тут бабушка одна была, она меня вылечила* (Васькова Юрл.). Его культурные смыслы – «вечный дом» и «уход в землю» – выстроены на ассоциативных основаниях по аналогии и смежности.

Значимыми объектами в наполнении кладбищенского пространства являются растения, прежде всего деревья. Визуальные образы захоронений рядом с деревьями и высаживаний деревьев на могилах легли в основание фразеологизмов **в березки уехать** ‘умереть’: *Старая уж стала, на девять десятки перешла, скоро в берёзки уеду* [Там же, с. 389]; **в ёлки уйти** ‘умереть’: *В ёлки пора уж уйти* [Там же, с. 390]; **в лес идти (уйти)** ‘умирать’: *Мне-ка уж в лес надо идти, куды уж я годна, с бадогами хожу дак* [Там же, с. 151]; **в сосняк идти (уйти)** ‘умирать’: *Мне уж туды надо идти, в сосняк, хватит, пожила свой пай* [Там же]; **отправиться в березник** ‘умереть’: *Старика у меня нет, давно уж в березник отправился* [18, вып. 2, с. 61]; **под зеленую сосну уехать** ‘умереть’: *Два года как его уж нету, под зелёную сосну уехал, схоронили* [15, с. 389]; **под тополя уйти** ‘умереть’: *За последний год сколь народу под тополя ушли, мрут и мрут, это чё!* (Пожва Юсв.). Внутренняя форма приведенных выражений отображает не только непосредственно наблюдаемые, но и умозрительные знаки культуры. Символ дерева может быть истолкован образно. С одной стороны, как знак растительного мира, мира природы, из которого все живое рождается и куда уходит после смерти. В данном преломлении кладбищенское пространство – это одновременно и место угасающей энергии, и святое место, поскольку именно действие вселенского закона о смертности всего сущего обеспечивает появление в мире новой жизни. С другой стороны, кладбищенские деревья являются культовыми местами, поскольку, в представлениях носителей традиции, осуществляют связь подземного, среднего и небесного миров, являются трансляторами обращений к Богу, святым или душе покойного.

Особую проработку в языке получили особенности ландшафтной организации мест захоронений: **на гору надо** ‘о близости времени умирания’: *Годов мне уже много, на гору надо* [19, вып. 2, с. 137]; **на гору уехать** ‘умереть’: *А он долго-то не пожил со мной, на гору уехал* [18, вып. 2, с. 468]; **на гору уйти** ‘умереть’: *Старой уж, только на гору уйти* [15, с. 390]; **пора на гору** ‘о скорой смерти’: *Износилась я уж, на гору пора* [19, вып. 2, с. 411]. Традиция устраивать места массовых захоронений на возвышенности была продиктована древней санитарной прагматикой, предписывающей отдалять возможные источники болезней от жилых селений. В ряде фразеологизмов образ кладбищенской горы приобретает или совершенно реальные координаты: **на Липовку ехать** ‘умирать’: *У нас говорят: «Ну, уж время подходит на Липовку ехать». Это – просто в переносном смысле, кладбище на Липовой горе* [Там же, с. 270]; **отправиться (отправляться) на Таманскую гору** ‘умереть’: *На Таманскую гору пора отправляться нам* [18, вып. 2, с. 61]; **пора на Вишерску гору** ‘о скорой смерти’: *Мне пора на Вишерску гору, хватит, пожила* [19, вып. 2, с. 411], или, напротив, смыкается с представлением об абстрактном возвышении над местностью: **убираться выше деревни** ‘умирать’: *Всё уж, отжили своё, надо и другим дать пожить. А жить всё одно хочется* [15, с. 387].

Интерпретация кладбищенского пространства, устроенного на возвышении, может осуществляться (помимо прагматического) в образно-символическом ключе. Образ горы является знаком соединения земного и небесного миров [7, с. 520; 11, с. 139]. Осмысление посмертного пути через этот образ предполагает уход в небесное пространство, который должна совершить душа умершего: *Мама у меня при смерти была, лежит и говорит: «Как я на эту гору поднимусь, как я поднимусь на эту гору-то. Лена, режь мне ногти, эти гальки заходят мне под ногти на ногах, больно идти-то»* [22, с. 136]. Близость горы к потустороннему миру обуславливает отношение к ней как локусу мертвых и нечистой силы, что также отразилось в номинациях данного места: **на Вишувую горку отправиться** ‘умереть’: *Умер – на Вишувую горку отправился. У нас Вишовой горкой кладбище называли; Когда виши вылезут, покойника и отправляли на Вишувую горку, хоронили* [11, с. 139].

Парадигма знаков креста, дерева и горы позволяет интерпретировать образ кладбища через идею «движения вверх». В эту же парадигму встраивается знак лестницы: **на небо лестницы нет, и в земле ямы нет** 'о том, кто не выздоравливает и не умирает': *И не поправляется дедко, и не умирает. На небо лестницы нет для него, и в земле ямы* [19, вып. 2, с. 21]. Плетеная из нитки лестница в похоронном обряде пермяков символизирует идею вертикального пути, связывающего «этот» и «тот мир»: *Ниточку крючком вяжут. Крючком дальше, дальше и такую длинную сделают. Вязать должен кто-то из родственников. Свяжут и в могилку опускают. И оставляют. «Лестница, – говорят, – лестница, чтобы душа выходила». Один конец-то в могилке оставляют, другой к памятнику привязывают* [22, с. 166].

Антонимичной знаку вертикального движения является идея «ухода в землю», которая реализуется через репрезентацию в языковом материале образов могилы, земли и абстрактного движения вниз, и если первый из них уже рассмотрен выше, то последние требуют отдельного прояснения.

Мотив движения к земле, неразрывно связанный с представлениями о смерти, присутствует в тексте похоронного ритуала у разных народов. Несмотря на то, что образы, с помощью которых он выражается, напрямую соотносятся с фактами наблюдаемой реальности погребения усопших, лингвокультурный анализ образных оснований позволяет соотносить их со знаками запредельной реальности – нижним миром. Мотив движения в подземное пространство (или пространство нижнего мира) в пермской региональной лексике актуализируется в культурной семантике фразеологизмов **в землю зарыться** 'умереть': *Давно бы уж мне-ка в землю зарыться пора, да смерть не идет* [18, вып. 1, с. 308]; **в землю идти** 'умирать': *О прошлую зиму Марья-та в землю ушла, он один тожно болтается* [15, с. 151]; **в землю пойти** 'умереть': *Из земли взять, в землю обратно пойдём* [Там же, с. 283]; **землей зарыло (зароет)** 'погибнуть': *Мужика-то у меня землей зарыло – не вернулся с войны* [18, вып. 1, с. 308]; **земля разделила** 'смерть забрала одного из супругов': *Хорошо жили, да потом мужика пьянка сгубила, седьмой год уж как земля разделила* [15, с. 137]; **ладить земельное дело** 'готовиться к смерти': *Стара я стала, лажу земельное дело; хватит, нажилась, натерпелась* [Там же, с. 191]; **в землю ложиться** 'умирать': *Совсем молодые в землю ложатся* [Там же, с. 200]; **уйти (уходить) в землю** 'умереть': *Колдуны могут сделать, что человек совсем в землю уйдет, могут напустить порчу, что и не вылечишь* [Там же, с. 390]; *Сейчас наш брат почти все уходят в землю, работа-то тяжёлая была, отдаёт* [19, вып. 3, с. 290]; **хоть живой в землю полезай** 'хоть умри': *Пензия-то маленька, дак хоть живой в землю полезай* [15, с. 286], а также **в наклон идти** 'стариться': *Старики наши все скоро переведутся, поколенье-то наше уж все в наклон идет* [Там же, с. 151]; **жисть ложить** 'умирать': *Человек умирает и жисть ложит* [19, вып. 2, с. 33]; **идти (пойти) на поклон** 'умирать': *Шибко хворал, дак как-то откатался, не пошел на поклон* [15, с. 152]; **книзу идти (уйти)** 'умирать': *Мне уж ведь книзу идти, старо дело-то стаёт; Наш-то ещё на прошлой неделе книзу ушел* [Там же]; **на пласту лежать** 'быть при смерти; не иметь признаков жизни': *Недилью целу на пласту лежала, не вставала* [Там же, с. 194]; **пасть (и) пропасть** 'умереть': *Старая я стала, хоть бы сейчас пала – пропала; Пал – пропал, своих никого нет, никто и не узнает* [Там же, с. 263].

Земля – многомерный символ в культурном тексте похоронной обрядности. Он может интерпретироваться и как знак «своего» пространства, что позволяет извлекать из фразеологической модели «ухода в землю» смысл воссоединения с умершими родными. Современные носители традиционной культуры до сих пор заранее готовят себе место на кладбище рядом с почившими родственниками, чтобы не чувствовать одиночества в другом измерении. Смысл возможности воссоединения с предками через уход в родную землю отражается в описываемой фразеологии через антонимичную модель «ухода в чужую землю»: **в чужое лечь** 'умереть на чужбине': *Их раскулачили, сослали куда-ко, оне умерли там, в чужое легли* [Там же, с. 196].

Сосредоточие умерших на ограниченной территории становится основанием для ассоциативно-образного восприятия кладбища как селения мертвых – еще одной символической интерпретации мест захоронений: **ждать повестку (вестку-грамотку) в Могилевску губерню** 'дождаться смерти': *Я уж тожно остарела, в Могилевску губерню повестку жду, больше ничё; Долго ли мне ишо вестку-грамотку ждать в Могилевску губерню?* [18, вып. 1, с. 255]; **женых из могилёвской деревни** 'смерть': *Не идет женых из могилёвской деревни; и папшорт, и подорожная есть, а не идет* [Там же, с. 258]; **собираться в тихую деревню** 'готовиться к смерти': *Я уж тожно в тихую деревню собираюсь, на кладбище* [15, с. 347].

Этому дополнительно способствуют реальные характеристики пространственной организации места, схожие с планировкой селений живых, (могилы – дома умерших, оградки – заборы, ограждающие землю каждого «хозяина», межмогильные дорожки – улицы), а также представления о продолжающемся загробном существовании, где мертвецы сохраняют земной образ жизни и трудятся, например.

Представление о пребывании усопших в деятельности на местах захоронений – достаточно развернутый в традиционной культуре образ: **на кладбище работать** 'умереть': *Стара ведь я уж, скоро на кладбище пойду работать* [18, вып. 2, с. 255]. Языковые данные, свидетельствующие, что в загробной жизни покойники катают горох: *Фёдоровна, тебе уж горох катать, а ты всё молодиться* или лепят горшки: *Которой год уж старика нет, горшки делает*, коррелируют с археологическими находками зерна и керамической посуды в могильных ямах ломоватовского и родановского времени [2; 5]. Как известно, ритуальные действия, связанные с идеей труда, в коде традиционной культуры семантизируются как деятельность, направленная на сотворение мира, что еще раз подтверждает сакральное значение кладбищенского пространства.

Среди эвфемистических номинаций кладбищенского (могильного) пространства особо выделяется обезличенное наименование «место»: **кости на место** 'пора умереть': *Скорее бы смертушка пришла, кости на место да ладно* [15, с. 179]; **пора костям на место** 'время умереть': *Стара ведь я, теперь уж мне пора*

косякам на место [Там же, с. 292]. Отсутствие привязки к конкретным географическим или мифологическим координатам в этом наименовании вызвано табуированным характером прямого названия пространства, опасного для человека.

3. Отправление на «тот свет»

Восприятие смерти как отправления на «тот свет» связано с представлением, что смерть не является концом человеческого существования, она делит человеческую судьбу на реальное земное бытие и инобытие в другом мире. «Послежитие» как период бытийной длительности воспринимается носителями культуры естественно, а поэтому представления о загробной жизни находят широкое и разностороннее выражение в языковой рефлексии.

В региональной фразеологии наименования мира обитания мертвых, как правило, эвфемизируются. В описательных оборотах, служащих названиями потустороннего пространства, представлены несколько моделей номинаций. Многие из них исходят из мысли о противопоставлении «этого мира» – мира живых – «тому миру» – миру мертвых, что отчетливо видно во фразеологизмах с компонентами:

– «тот свет (мир)»: **на том свету ходить** ‘быть мертвым’: *Счас уж обоих нету их, на том свету ходят* (Полва Кудымк.); **уйти на тот мир** ‘умереть’: *Тут два колхоза раньше было: на этой горе колхоз и на той горе колхоз. А теперь домов-то виднеется много, а людей-то нету дак. На тот мир ушли* [19, вып. 3, с. 271];

– «туда (туды)»: **идти туды** ‘умирать’: *Мне уж туды надо идти – мужик-от ушел, и мне за им надо* [18, вып. 1, с. 343]; **собираться туда** ‘умирать’: *Я уж туда собираюсь, годов мне много; Сколько живу, всё равно надо собираться туда, к старику в Кошкару* [Там же, вып. 2, с. 366]; **туды проситься** ‘ждать смерть’: *Уж сколько живёшь, уж туды проситься пора* [Там же, с. 235];

– «другая сторона»: **собираться (собраться) в другую сторону** ‘готовиться к смерти или умереть’: *Всё собираюсь в другую сторону, да не могу уехать-то; А он собирался куда, вовсе в другую сторону, ох-хо-хо, не знаю, как вынесу такое горё* [15, с. 347]; **уехать в другую сторону** ‘умереть’: *Сын-то уехал в другую сторону, похоронили. Вот, не послушал меня* [19, вып. 3, с. 270].

Вероятно, в основе использования данной модели эвфемизации лежит одна из первых форм самоидентичности – физическое самоосознание группы, выраженное в отнесении себя к живым существам, способным к деятельности на земле. Осознание себя живыми включало признания собственной конечности и общей загробной судьбы: **уйти, куда все уходят** ‘умереть’: *Дак чё, скоро уж уходить, куда все уходят. Хватит, пожили своё* (Пож Юрл.).

В корпусе языковых данных о топографической реальности загробного существования представлен образ царства: **в царство уйти** ‘умереть’: *Мужик у меня сёгоды в царство ушёл* [15, с. 390], семантизация которого в плоскости народной культуры позволяет проводить параллели со сказочной страной – тридевятым царством и раем – царствием небесным. И то и другое является воплощением пространства, связанного с идеями плодородия и изобилия [4, с. 302], что, в свою очередь, коррелирует с представлениями о покое и воздаянии праведникам в загробной жизни.

К числу номинаций «того света», отражающих смыслы безмятежного загробного существования, относится название **сад**: **в сад пора** ‘время умереть’: *Мне уж давно в сад пора, восемьдесят годов уж, зажглась* [19, вып. 2, с. 411]. Как представляется, этот освоенный в народной среде библейский образ может маркировать не просто пространство рая, но и в целом загробного мира, куда попадают все без исключения покойники – и «грешные», и «безгрешные». Об этом свидетельствуют некоторые народные поверья о признаках помертного пространства, в которых не отражаются представления о его разделении на рай и ад: *Загробный свет мало кто видел. Говорят, сад там красивый* [Там же, вып. 3, с. 84]; *Душа живет в доме шесть недель. Потом уходит на небо* (Федотово Юсьв.); *Тот свет видимо на небе. Раз отсюда его не видать* (Они Юсьв.).

В топографии запредельного «тот свет» отделен от мира живых особой символической границей: **к черте приступить** ‘умереть’: *Я сама чуть не умерла, чуть к черте не приступила* [18, вып. 2, с. 218]. Во многих пермских фразеологизмах граница отождествляется с самим событием смерти: **в смерть войти** ‘умереть’: *Подите к старым, мне-то уж кое-как в смерть войти* [15, с. 55]; **край света** ‘близость смерти’: *Я три месяца в больнице отбучкала, думала уж край света* (Букреева Юрл.); **у смерти лежать** ‘быть при смерти’: *Серафим-то как-то у смерти лежал – инфаркт был* [Там же, с. 194]; **около смерти ходить** ‘быть очень старым или тяжело больным’: *Да где поёт? Она около смерти ходит* [Там же, с. 405]; **по край смерти** ‘предельно стар, близок к смерти’: *Я уж по край смерти, всё своё видела, всё слышала, всё сказывала* [Там же, с. 182]; **по смерть зайти** ‘умереть, погибнуть’: *Уехал к приятелю на тракторе, выпили вот, и по смерть зашёл. А молоденькой шио был, 23 годика* [Там же, с. 130]; **у смерти биться** ‘находиться при смерти’: *Сестра моя у смерти бьётся, умрёт скоро, наверно* [Там же, с. 24]; **у смерти быть (находиться)** ‘быть в очень тяжелом, опасном состоянии’: *Раз пять у смерти был сын-от мой; У неё признают крупное извилие мозгов, она умом мешается, это у неё родственное; сколько раз уж у смерти была* [18, вып. 2, с. 356]; **у смерти валяться** ‘быть при смерти’: *Когда человек вовсе у смерти валяется, помочишь, помоешь его этой водичкой, и он оживает. Ему становится легче* (Меча Кишерг.); **у смерти виться** ‘быть крайне больным, слабым’: *Черти-те, говорят, тогда одолевают, как у смерти человек вьётся* [Там же, вып. 1, с. 105]. Осознание неизбежности умирания становилось причиной номинации состояний, близких к смерти, как таких, в которых пространственная граница между «этим» и «тем» миром преодолена: **бывать в смерти** ‘быть близким к смерти’: *Я и в смерти бывала, хотела повесить себя* (Ермия Чернуш.); **в черную границу заехать** ‘достигнуть преклонного возраста’: *Мне уж 87, я уж в черную границу заехал, а всё болтаюсь* [15, с. 130];

за границу переехать 'дожить до глубокой старости': *Я уж за границу переехал, прожил долго, многое повидал* [Там же, с. 265]; *на той половине кто-либо* 'о достижении возраста, близкого к смерти': *У меня хозяин умер, я уж теперь тоже на той половине* [19, вып. 2, с. 389].

В региональной фразеологии в качестве границы земного и загробного существования предстает обобщенный образ реки: *тот берег* 'смерть': *Синички в окошко стучат – зовут меня на тот берег, видно* [12, с. 205]. Представление о реке как преграде в мир мертвых усиливается предположением археологов о существующей в древности традиции устраивать места захоронений в пределах видимости больших рек [6, с. 11-12], а также сохранившимся до наших дней обычаем переноса покойников через реку: *У нас покойника несут, чтоб речку перейти. Вот у нас тут речка ниже есть. Вот речку обычно переходят, а там уж на машину* [22, с. 162].

Образ реки имеет многочисленные концептуальные связи в наивной картине мира носителей традиционной культуры. Интересна его проработка, выполненная под влиянием конкретных условий жизни и книжной культуры. Языковой материал обнаруживает, что обобщенный мифологический образ реки в коллективном сознании концептоносителей может срачиваться с восприятием реальных природных объектов местности: *отправиться на Брекун* 'умереть': *Вот отправлюсь на Брекун, дак все медали тебе оставлю* [15, с. 256] (Брекун – река в Чернушенском районе) или с представлением о религиозных символах: *кануть в Лету* 'умереть': *Лета – это река между тем светом и этим. Там, говорят, не Ной, не Ной, кто-то перевозит их на лодке, как пирога. Он перевозит бесплатно. Он отправляет туда или сюда – это рай или ад. Ад – это ад, по-гречески* (Генёва Юсьв).

Регионально ограниченное представление о пространственной организации «того света» отразилось в номинации мифологического объекта – лазан: *пора на лазан* 'время умирать': *Умирать пора – скажут пора на лазан, на лазан, мол, поглядываю* [11, с. 138-139]. По мнению этнолингвистов, будучи основанным на восприятии Вселенной как трехчастной структуры, этот лингвокультурный символ обнаруживает идею вертикального перехода в загробный мир – верхний или нижний [Там же].

Итак, исследование локальных образов загробного путешествия, маркированных в региональной фразеологии, дает основание говорить о некоторых закономерностях.

Во-первых, пространственный концепт «смерть» разрабатывается в пермской фразеологии посредством актуализации таких смысловых единиц, как «ворота», «гора», «граница», «движение вверх», «движение вниз», «дерево», «дом», «земля», «кладбище», «красный угол», «крест», «лавка», «лестница», «место», «могила», «путь», «река», «сад», «селение», «тот свет». Ментально-вербальная природа данных знаков позволяет им в разных лингвокультурных сферах выполнять различные функции: вставать в позицию означающего и означаемого.

Ассоциативно-вербальные связи между частями содержательной структуры концепта характеризуются разной силой. Наиболее крепкими являются связи концепта «смерть» с концептами «гора», «граница», «движение вверх», «движение вниз», «земля», «могила», «тот свет»: они нашли в языковом материале основательную количественную и качественную проработку. Взаимное притяжение этих смыслов свидетельствует о сохраняющемся в региональной культуре понимании смерти как неизбежном распаде телесности при продолжающейся бытийности души в другом измерении.

Достаточно близко к ядерной структуре пространственного представления о смерти располагается также концепт «путь». Несмотря на то, что тематическая группа фразеологизмов с этим символом представлена в тексте статьи немногочисленно, образ пути является сквозным для большинства рассматриваемых речевых формул. Его экспликация в языке осуществляется посредством высокочастотных лексических единиц с семантикой движения: *войти (1), выйти (1), дойти (1),йти (1), идти (7), пойти (2), сходить (1), уйти/уходить (16), ходить (3); ехать (3), заехать (2), переехать (1), поехать (3), уехать (6); отправиться/отправиться (6); приступить (1); убежать (1); убираться 'уходить' (1).*

Отображенная в пермской фразеологии ассоциативно-образная сеть концепта «смерть» в своей первооснове соотносится с его характерными чертами в других лингвокультурах [1; 3; 17]. При этом наибольшее родство ментально-вербальных образов в структуре концепта прослеживается с общеславянской традицией [20], что вполне объяснимо этнокультурной историей пермских земель. Тождество или семантическая близость лингвокультурологических единиц, репрезентирующих пространственный концепт «смерть» в разных семиотических этносистемах, обусловлены единой архетипической основой образов загробного мира, в которой в качестве констант выступают представления о пути, удалении на «тот свет», переходе границы, уходе в землю.

Во-вторых, ментально-вербальные образы, актуализирующие пространственные смыслы в представлениях о посмертном бытии, складываются в разное время. В подавляющем большинстве фразеологизмов отражаются древние, связанные с языческим прошлым, взгляды о топографии загробного мира. Наиболее отчетливо архаическо-мифологическое мировоззрение прочитывается во внутренней форме эвфемистических выражений, связанных с возвращением «домой» и переселением, поиском «места», отправлением в путь и на «тот свет», преодолением границы (горы, реки), уходом в землю и растительный мир. Складываясь в семиотическую парадигму, эти образы поддерживают и «оживляют» друг друга, благодаря чему приобретают значение констант традиционной культуры.

Следы православной идеологии немногочисленны: они обнаруживаются в лингвокультурных символах красного угла, креста и сада. Семантика христианских символов в похоронном словаре носителей народной культуры не тождественна церковной интерпретации. Трансформированная христианская символика сплавляется в наивном сознании с трансформированным же язычеством и проявляется в языке в виде неоднородной

мировоззренческой концепции. Показательным примером христианско-языческого синкретизма в региональных представлениях о посмертной топографии может служить фразеологизм *в царство уйти*.

Наконец, на дальней периферии культурно-мотивированных языковых единиц концепта «смерть» находят знаки новейшего времени. Данный разряд культурной информации представлен одним фразеологизмом – *отправиться в командировку*, который сложился по продуктивной модели «смыслообразования» и, продолжая ряд синонимичных конструкций, укрепился в вербально-образной ткани традиционной культуры.

В целом вскрытое соотношение лингвосемиотической информации разных исторических планов позволяет характеризовать генезис современного наивного представления о смерти как преимущественно архаичный и малодинамичный. Отметим, что православная традиция слабо идентифицируется не только в материалах настоящей выборки, но и в общей картине пермских говоров через призму идиоматической лексики. В народной речи посмертные локусы христианской топографии отмечаются в крайне небольшом количестве выражений – не более 3% всей похоронно-поминальной фразеологии: *адская работа* ‘занятие для грешников на том свете’ [22, с. 136]; *в сад пора* ‘время умирать’, *ко кресту ехать (поехать)* ‘умирать’ [15, с. 118]; *муки-беси* ‘ад для грешников’ [19, вып. 2, с. 111]; *на ад сдать* ‘о грехе’ [22, с. 142]; *под образами лежать* ‘болеть тяжело; быть при смерти’ [15, с. 194]; *под святыми лежать* ‘быть мертвым’ [Там же]; *пойти в ад да на самый зад, пойти в рай, только двери открывай* ‘представления о суде на том свете’ [11, с. 140]; *попадем в рай, только двери открывай* ‘о неминуемости наказаний после смерти’ [19, вып. 2, с. 408]; *попал в ад да в самый зад, сидит, сажу перегреbat* ‘(шутл.) о много грешившем’ [Там же]; *у сатаны в коленах сидеть* ‘быть в аду (о грешниках)’ [Там же, вып. 3, с. 109].

Слабая вовлеченность православной традиции в поле народной фразеологии, помимо ее вторичности в генетическом аспекте, может быть объяснена также положениями функционально-жанрового и этноментального порядка. Первый аргумент заключается в том, что преобладание дохристианских элементов в семиотическом пространстве фразеологизмов связано с отдаленностью этого типа микротекстов от книжной культуры, в отличие, например, от духовных стихов и причетов [21], а второй – в том, что в народном сознании посмертная кара может быть отвратимой, и существование грешников в целом менее пессимистично, нежели в христианской философии. Не расчленяемое на рай и ад загробное пространство вмещает разные категории усопших независимо от их образа жизни на земле. В загробной судьбе мертвые могут испытывать трудности, страдания, дискомфорт, но они не всегда мыслятся как безысходные и безнадежные, поскольку жизнь живых зависима от состояния их родных на «том свете».

В-третьих, культурно-значимым в ментальном пространстве региональной культуры является то, что представления о посмертной топографии «рисуют» космический мир. Язык изображает человека в неразрывной связи с Вселенной: носитель культуры не просто отстраненно лицезреет макромир, он понимает его устройство и ориентируется в нем. Космический мир в наивном представлении мыслится как пронцаемое и поддающееся освоению пространство, семантизация которого основана на идее пути, означивании и «акцентировании» сакральных мест (*Вишерска гора, Вишвая горка, Липовка, Таманская гора; Брекун, Лета; Могилевская губерния, Могилёвская деревня*). Сакральные локусы «чужого» наделяются идеей другого порядка, иной меры вещей. Они гармонизированы в соответствии с законом иного мира и предписывают входящим в них жесткие поведенческие правила.

Координаты космического пространства задаются в оппозициях «свой – чужой», «этот – тот (другой)», «верх – низ», а преобладающими векторами движения становятся те, которые связаны с движением к сакральным местам: путь к месту захоронения, отправление на «тот свет». Координатно-векторные характеристики определяют место живых и мертвых в космическом пространстве и указывают на их значимость и возможности в пределах этих границ.

Освоение загробного пространства в мифоритуальном представлении может осуществляться двумя способами: ходьбой и едой, которые фактически организуют план движения в ритуальном выпроваживании покойника. Однако в символическом преломлении оба способа передвижения приписываются не членам траурной процессии, транспортирующим тело покойника, а самому умершему, душа которого уходит или уезжает на «тот свет». Поэтому издревле в похоронном обряде особое значение приобретали действия с ногами умершего (трогание, завязывание и развязывание, обувание) и некоторые способы захоронения: *Когда-то покойника увозили на лошади в санях на кладбище. Лошадку и сани оставляли прямо в могильнике. Потом кто-то забирал, говорили. Сейчас на машинах возят* [22, с. 163].

Кроме того, к региональным особенностям представлений о посмертном пространстве относятся сами способы репрезентации культурных смыслов в языке, т.е. собственно культурно-значимая лексика. Богатство пермского похоронно-поминального фразеологического словаря свидетельствует о значительной духовной заряженности региональной культуры и устанавливает ей отдельное место в ряду подобных семиотических систем.

Список сокращений

- Кишерт. – Кишертский район Пермского края
- Кудымк. – Кудымкарский район Пермского края
- Ус. – Усольский район Пермского края
- Чернуш. – Чернушинский район Пермского края
- Юрл. – Юрлинский район Пермского края
- Юсьв. – Юсьвинский район Пермского края

Список источников

1. **Ананьина Т. С.** Образ пути во фразеологических единицах семантического поля «смерть» во французском и русском языках // Романское культурное и языковое наследие: история и современность: материалы международной научной конференции (г. Москва, 21-22 июня 2016 г.). М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 88-93.
2. **Брюхова Н. Г.** Плотниковский могильник – памятник родановской культуры в Пермском Предуралье // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции: сб. науч. тр. / под общ. ред. Н. Б. Крыласовой. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2016. Вып. XI. Противоаварийные исследования памятников археологии Пермского края. С. 44-50.
3. **Васильева Н. Н., Николаева А. М.** Лексико-семантическая экспликация концепта СМЕРТЬ в якутском языке // Научный диалог. 2017. № 12. С. 35-46.
4. **Виноградова Л. Н., Толстая С. М.** «Тот свет» // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. Т. 5. С (Сказка) – Я (Ящерица). С. 298-303.
5. **Генинг В. Ф.** Деменковский могильник – памятник ломоватовской культуры // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1964. Вып. 6. С. 94-162.
6. **Головчанский Г. П., Романова Л. В.** Некрополь Егошихинского завода (вторая четверть XVIII века) // Пермь: история города как пространство диалога: сборник статей научно-практической конференции «Город Пермь: тенденции и динамика исторического развития» (г. Пермь, 15 апреля 2015 г.). Пермь: Историко-архивный музейный центр «РЕТРОспектива, 2015. С. 11-15.
7. **Левкиевская Е. Е.** Гора // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. А (Август) – Г (Гусь). С. 520-521.
8. **Лоскутова Т. Н.** Введение диссертации (часть автореферата) [Электронный ресурс] // Лоскутова Т. Н. Концепты «жизнь – смерть», вербализованные лексемами и фразеологическими единицами русского языка, в лингвокультурологическом аспекте: дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/kontsepty-zhizn-smert-verbalizovannyye-leksemami-i-frazeologicheskimi-edinitsami-russkogo-yaz> (дата обращения: 30.07.2018).
9. **Новикова Н. А.** Введение диссертации (часть автореферата) [Электронный ресурс] // Новикова Н. А. Концептуальная диада «жизнь – смерть» и ее языковое воплощение в русской фразеологии, паремииологии и афористике: дисс. ... к. филол. н. Череповец, 2003. URL: <http://www.dissercat.com/content/kontseptualnaya-diada-zhizn-smert-i-ee-yazykovoe-voploshchenie-v-russkoi-frazeologii-paremiologii> (дата обращения: 30.07.2018).
10. **Писаренко Д. А.** Лингвокультурологические аспекты понятия СМЕРТЬ во фразеологических единицах и паремиях современного русского языка // Рефлексия. 2017. № 1. С. 51-56.
11. **Подюков И. А., Белавин А. М., Крыласова Н. Б., Хоробрых С. В., Антипов Д. А.** Усольские древности: сборник трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX – XX в. / науч. ред. И. А. Подюков. Усолье – Соликамск – Березники: Пермское книжное издательство, 2004. 240 с.
12. **Подюков И. А., Поздеева С. М., Хоробрых С. В., Черных А. В.** В каждой деревне чё-то да разное. Из кунгурской семейной традиции (двадцатый век). Пермь, 2007. 284 с.
13. **Подюков И. А., Поздеева С. М., Хоробрых С. В., Черных А. В.** Песни и сказы долины камней. Обрядность и фольклор Кишертского района: материалы и исследования. Березники: Типография купца Тарасова, 2008. 384 с.
14. **Подюков И. А., Черных А. В., Хоробрых С. В.** Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. Усолье: Пермское книжное издательство, 2006. 224 с.
15. **Прокошева К. Н.** Фразеологический словарь пермских говоров / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2002. 432 с.
16. **Салалыкина Ж. В.** Введение диссертации (часть автореферата) [Электронный ресурс] // Салалыкина Ж. В. Понятие «Смерть» в русском языке: опыт концептуального анализа семантического поля: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2003. URL: <http://www.dissercat.com/content/ponyatie-smert-v-russkom-yazyke-opyt-kontseptualnogo-analiza-semanticheskogo-polya> (дата обращения: 30.07.2018).
17. **Семенова А. В.** Начало и конец жизненного пути на материале кашубской фразеологии // Категории жизни и смерти в славянской культуре: сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 57-68.
18. **Словарь пермских говоров:** в 2-х вып. Пермь: Книжный мир, 2000. Вып. 1. А – Н. 607 с.; 2001. Вып. 2. О – Я. 575 с.
19. **Словарь русских говоров Южного Прикамья:** в 3-х вып. / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2010. Вып. 1 (абалтус – кычига). 456 с.; 2012. Вып. 2 (лабаз – пять). 502 с.; 2012. Вып. 3 (ра – ять). 502 с.
20. **Толстая С. М.** Смерть // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. Т. 5. С (Сказка) – Я (Ящерица). С. 58-71.
21. **Федотов Г. П.** Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / вступ. ст. Н. И. Толстого; послесл. С. Е. Никитиной; подготовка текста и комментарий. А. Л. Топоркова. М.: Прогресс; Гнозис, 1991. 192 с.
22. **Юсьва – лебединая река:** сборник трудов и материалов по традиционной обрядности Юсьвинского района. Усолье, 2015. 450 с.

SPATIAL MEANINGS OF THE CONCEPT “DEATH” IN PERM PHRASEOLOGY

Panteleva Liliya Mikhailovna, Ph. D. in Philology
Solikamsk State Pedagogical Institute (Branch) of Perm State National Research University
liliya_pant@mail.ru

Khorobrykh Stanislav Valer'evich
Usoleye Museum of History and Architecture “The Stroganovs’ Chambers”
kalina_stas@mail.ru

The article reveals the peculiarities of the linguistic representation of the ideas about posthumous space in the phraseology of Perm dialects. The internal form of the expressions is revealed through the linguo-semiotic analysis, the main directions of which are the establishment of the associative-figurative bases of the concept “death”, their temporary attribution and culturally significant features. The solution of these questions concerning the local structure of the universal concept determines the novelty of the presented research and conditions its topicality in the light of the problems of the regional humanities.

Key words and phrases: concept “death”; regional culture; linguo-semiotics; Perm dialects; phraseological units.